

Л. Г. Панова. Мнимое сиротство: Хлебников и Хармс в контексте русского и европейского модернизма. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. 608 с.

Появление новой монографии Л. Пановой, специалиста по русскому модернизму, вполне естественно: после фундаментальных трудов об О. Мандельштаме и М. Кузmine автор последовательно расширяет поле исследования. Вместе с тем эта работа заметно отличается от предыдущих как минимум двумя особенностями: резкой полемичностью и необычайно живым для академического труда стилем — подчас на грани фельетона.

Главными мишенями критики в книге выступают авангардные манифесты, отдельные черты литературного поведения Хлебникова и Хармса, но особенно — профессиональные взгляды той части филологического сообщества, которое определяется автором как «солидарное авангардоведение».

Панова обращает внимание на парадокс, сложившийся к рубежу тысячелетий в среде исследователей литературного авангарда. Принимая на веру идею о безусловном гениальном новаторстве некоторых авангардистов первой и второй волн (Хлебникова в первую очередь, Хармса — в меньшей степени), солидаризирующиеся с самооценкой писателей филологи фактически отказываются применять к их текстам приемы литературоведческого анализа, зачастую подменяя научный подход к предмету его внерефлексивной апологетикой. Так солидарное авангардоведение превращается в специфический закрытый клуб, и авангардисты внутри него неизбежно становятся объектом культа. «В результате образовался порочный круг: престиж авангарда продолжает расти благодаря освящению со стороны все новых поколений авангардovedов; в свою очередь, акции авангардоведения идут вверх благодаря тому, что оно занято “правильными” писателями» (с. 46).

Метод прочтения и истолкования Хлебникова и Хармса, представленный в монографии, можно определить как «психоаналитический» — в смысле вскрытия и прояснения глубоко запрятанных мотивов творчества. По Пановой, они сводятся к претензиям на жизнестроительство (идея, как неоднократно отмечается автором, заимствованная у символистов), к сознательному, а чаще даже бесознательному пародическому подрыву литературной традиции средствами «плохописи» и тяге к абсолютной власти над профанной массовой аудиторией — «толпой». Самопровозглашенный творец в такой модели занимает положение авгура. Подобная писательская стратегия ранее была замечена исследователями, однако доселе в доминирующей среди авангардovedов точке зрения она трактовалась со знаком плюс. В книге Пановой эстетическая безупречность Хлебникова и Хармса подвергается сомнению: со всем неудобством ста-

вится вопрос о степени обоснованности подобных претензий. Следует ли литературоведению воспринимать всерьез заявки на обладание этими авангардистами символической властью или правомерно относиться к их деятельности как к псевдофилософским играм, поданным в полуграфоманском стиле и имеющим явный оттенок интеллектуальной инфантильности? «...Ни Хлебников, ни Хармс не отдавали себе отчета в том, что работают в традиции и — шире — что литература вообще насквозь интертекстуальна. Неосознанно заимствуя у современников и предшественников материал и приемы, они распоряжались ими без концептуальной переработки, как умели. Умели же они, с точки зрения классической русской литературы, не очень...» (с. 48).

В книге Пановой аура писателей-пророков необратимо разрушается. Хлебников и Хармс предстают в ней не в образах феноменально одаренных суперинтеллектуалов, которым в равной степени открыты гуманитарные, естественно-научные и точные области человеческих знаний, а как бесспорно талантливые и поэтически в чем-то остро оригинальные, но все же исключительно и только литераторы, имеющие серьезные пробелы в образовании, довольно ограниченные в художественных возможностях и прочно встроенные в культурный контекст своей эпохи — не больше, но и не меньше.

Монография показывает, что в рамках филологического исследования фундаментальность, доказательность и объективность вполне могут сочетаться с литературно-критической полемичностью. Вопрос лишь в пропорциях соотношений между названными элементами.

Исследование Пановой носит ревизионистски-демифологизирующий характер — можно ожидать, какую реакцию оно вызовет в проавангардистской среде. И автор явно к ней готов, о чем сигнализирует помещенный на обложку книги персонаж Гойи с офорта «Сон разума рождает чудовищ». По всей видимости, он воплощает собой фигуру солидарного авангардоведа, только атакуют его не монстры, а геометрические абстракции — необоснованные представления о писателях, принимающиеся плодиться, когда критическое начало исследователя дремлет.

У книги есть методологический потенциал, применимый к социокультурным явлениям уже нашего времени, поскольку экспансионистские авангардные стратегии в литературе, столь резонансно продемонстрированные в начале XX века, в той или иной степени эксплуатируются до сих пор — хотя и с заметно меньшим эстетическим и практическим эффектом.

Артем СКВОРЦОВ*Казанский федеральный университет*